

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА ЗАПАДЕ ОДЕРЖАЛИ ПОБЕДУ

ПОЛ ГОТТФРИД – профессор классических языков Элизабеттаунского колледжа (Пенсильвания), историк, исследователь американского консерватизма

Специально для РЖ

Господство либерально-го дискурса привело к тому, что в США сейчас нет вообще никакой полемики ни на какую тему. Люди жалуются на то, что в России или Турции нет свободы слова, но в то же время в США никто не осмеливается высказать противоположную точку зрения на темы, которые считаются «неполиткорректными» и «щекотливыми». В некоторых странах Западной Европы за противоположную общепринятой точку зрения можно сесть в тюрьму, в лучших традициях тоталитарных режимов. **В Англии, например, интеллектуальной свободы не больше, чем было в СССР при Сталине.**

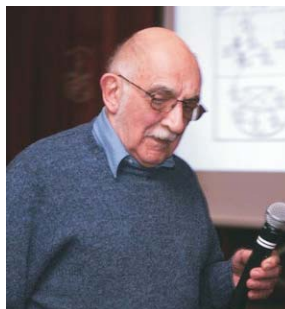
Эта среда очень бережно относится к своим идеалам. Героем моей следующей статьи будет выдающийся американский историк Эрик Фонер. Он – социалист до мозга костей, но он обладает поразительным влиянием в США, его почитают как демократы, так и республиканцы. Карл Роув заявил, что Эрик Фонер – его любимый историк. А ведь у него нет репутации крайне левого историка, он – всенародный любимец, потому что он сумел умело разыграть карту мультикультурной политкорректности.

Они контролируют почти все. Если вы посмотрите на интеллигенцию западного мира, станет понятно, что они представ-

ляют собой постбуржуазный феномен. Запад долгое время находился в руках буржуазии, которая затем была вытеснена государственными управленцами, менеджерским классом, который во имя демократии запустил целый ряд социальных программ. Об этом я пишу во всех своих книгах, в том числе в последней, – о постмарксистском левом движении, – которая в ближайшее время будет опубликована и в России. Большинство либеральных интеллектуалов в целом не очень хорошо разбираются в проблемах национальной безопасности. Исключение – неоконсервативное движение, чьи участники, однако, настолько фанатично относятся к внешней политике, в частности к теме Израиля, что лишились поддержки населения. Это не только преподаватели, но и журналисты, которые идеологически сливаются с академической средой.

Интеллектуалы постоянно продолжают изменять смысл понятия «либерализм». Сегодня это может обозначать все, что угодно, у понятия нет больше постоянного значения. Если меня кто-нибудь спросит, являюсь ли я либералом, я скажу, что да – я либерал образца XIX века. Являюсь ли я либералом в том смысле, который вкладывается в это понятие сегодня? Абсолютно нет. ■

ПРАВДА БЫВАЕТ ОТВРАТИТЕЛЬНА

АЛЕКСАНДР ПЯТИГОРСКИЙ – российский и британский философ, филолог и писатель, профессор Лондонского университета

Специально для РЖ

Фраза Гершензона о штыкам выражает политическую философию веховства, то есть идеологов интеллигенции, и их отношение к государству. Гершензон говорил о том, что он считал правдой, хотя правдой отвратительной. Были еще люди, которые просто хотели говорить правду. Противную правду, неприятную правду. Ленин назвал ее ренегатством.

Я не историк и не могу себя поставить в положение веховцев. Более того, не хочу этого делать. Я думаю, что в этой фразе была правда. Я с ней согласен только как с правдой. Но я абсолютно не готов согласиться с этой фразой с современной точки зрения. Об этом не может быть даже и речи. Потому что нет ни интеллигенции 1909 года, ни ее критиков и идеологов.

Сегодня эта фраза была бы бессмысленной. Нет ни интеллигенции, ни власти в смысле 1909 года. Мы употребляем категории позавчерашнего дня, говоря таким образом. Нам придется пользоваться каким-то очень кратким и простым языком, избегая исторических параллелей. И говорить правду на этом языке, прежде всего, о самом себе. Сего-

дня людям приходится говорить от себя лично. А это тоже непростое дело.

Я надеюсь, что людей, готовых повторить фразу Гершензона, сегодня нет. А если бы они и были, если бы они были искренни, я бы им сказал, что они не видят истории. Они просто сказали бы глупость, вот и все. Поэтому я солидаризироваться с ними никак не могу.

Если принять во внимание, что сборник «Вехи» неоднократно переиздавался и пользовался огромным успехом, то влияние веховцев, безусловно, было. Не могу употребить здесь идиотского слова конца XX века, было ли оно «массовым». Об этом смешно говорить. Мы в какой-то мере можем говорить о большей или меньшей части русского общества. И, если хотите, даже о большинстве, но никак не о массах.

Но положительным назвать влияние «Вех» с точки зрения того времени нельзя. Оно было тем, чем оно было. Власть в их глазах была омерзительной, каковой нынешняя власть является в моих глазах сегодня. Говорить здесь об объективном положительном эффекте чрезвычайно трудно. ■